

Купер Джеймс Фенимор

**Сочинения Фенимора
Купера. Поселенцы
пердействиях Коковцова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д40

Д40 **Джемс Фенимор К.**
Сочинения Фенимора Купера. Поселенцы пердействиях Коковцова / Купер
Джемс Фенимор – М.: Книга по Требованию, 2026. – 58 с.

ISBN 978-5-519-91810-7

ISBN 978-5-519-91810-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

защипались густымъ лѣсомъ. Сани безпрепятственно подвигались, какъ вдругъ послышался громкій, продолжительный вой какъ будто стаи собакъ, повторяемый эхомъ по верхамъ лѣсистыхъ горъ. Судя тотчасъ же приказаль негру разнуздать лошадей и остановиться.

— Не ѣзди дальше, Али, сказалъ онъ: — тамъ старый Гекторъ, котораго лай я узнаю изъ десяти тысячъ собакъ. Кожаный-Чулокъ, вѣроятно, на охотѣ, и я вижу въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди насъ свѣжіе слѣды оленя. Лиза, если ты не боишься выстрѣла, я общаю тебѣ для сочельника великолѣпное жаркое.

Негръ держалъ лошадь, а Мармадуке Темплъ вышелъ изъ саней, снявъ предвѣдительно шубу. Поспѣшно отскочилъ онъ свое великолѣпное двустольное ружье, осмотрѣлъ курки и только-что хотѣлъ идти, какъ въ кустахъ послышался легкій шорохъ приближающагося оленя, и вскорѣ затѣмъ статное животное въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пробѣгающихъ стало переходить черезъ дорогу. Ричардъ Темплъ съ увѣренностію опытнаго охотника поднялъ ружье и выстрѣлилъ. Животное, казалось, невредимо бѣжало далѣе; Темплъ вторично выстрѣлилъ по немъ, но и этотъ выстрѣлъ едва ли былъ удачливъ. Елизавета думала, что олень ушелъ, какъ этотъ вдругъ снова явился и спокойно продолжалъ дорогу. Въ это время въ воздухѣ раздался громкій и звучный выстрѣлъ; олень сдѣлалъ сильный прыжокъ и когда выстрѣлъ повторился, то упалъ на землю и нѣсколько времени катался по снѣгу. Громкое: bravo! раздалось изъ устъ невидимаго стрѣлка и изъ-за елей показались двое мужчинъ, наблюдавшихъ, вѣроятно, за оленемъ.

— Ага, Натти! вскричалъ Темплъ, приближаясь къ убитому животному: — еслибъ я зналъ, что вы такъ близко устроили свою засаду, то поберегъ бы свои заряды; но все же нельзя ручаться, что ни одна изъ моихъ пуль не попала въ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, съ спокойнымъ смѣхомъ: — вы истратили зарядъ только для того, чтобы погрѣть свой носъ въ холодный вечеръ. Какъ могли вы надѣяться убить взрослого оленя изъ такого ружья какъ ваше; стрѣляйте-ка лучше фазановъ и лебедей, которыхъ довольно у вашего дома; для нихъ оно годится; но если вамъ захочется медвѣжьего окорока или настоящаго оленя, то я вамъ совѣтовалъ бы употреблять лучше длинное ружье, если не хотите истратитъ болѣе пороку, чѣмъ можете.

— Нѣтъ, Натти, ружье стрѣляетъ хорошо, и отъ него досталось уже не одному оленю, отвѣчалъ Темплъ, съ самодовольной улыбкой. Конечно, одинъ стволъ былъ заряженъ мелкой, а другой крупной дробью, но вѣдь въ оленѣ два выстрѣла: одинъ въ сердце, а другой въ шею, и очень можетъ быть, Натти, что одинъ мой.

— Ну, все равно, кто его ни застрѣлилъ, дѣло въ томъ, кто его уничтожить, отвѣтили раздраженный охотникъ, и, вынувъ ножъ, перерѣзалъ оленю горло. Если въ оленѣ двѣ, пули, то развѣ не два выстрѣла были сдѣланы? И развѣ неграженный стволъ могъ сдѣлать такую рану, какъ у него на шею. Вы не можете отрицать, Темплъ, что олень палъ при послѣднемъ выстрѣлѣ, а выстрѣлъ этотъ сдѣланъ былъ рукой болѣе молодой чѣмъ наша. Что касается меня, то я, хотя и бѣдный человѣкъ, могу обойтись и безъ этой дичи, но при всемъ томъ, неохотно отказался бы отъ своихъ справедливыхъ притязаній въ свободномъ государствѣ.

— Этого и не нужно, Натти: я защищаю свой выстрѣлъ только изъ-за чести. Животное можно оплатить нѣсколькими долларами, но чѣмъ можно вознаградить за честь носить олений хвостъ на шапкѣ? Подумай только, какъ могъ бы я осмѣять двоюроднаго брата, который во всю зиму принесъ домой только куропатку да пару сѣренькихъ вежшъ.

— Да, да, Темплъ; дичь теперь все становятся рѣже, чѣмъ болѣе распространяется порубка лѣса, сказалъ Натти, качая головой. Было время, когда я убивалъ изъ моей хижины тринадцать оленей, не считая молодыхъ. Чтобы имѣть медвѣжьій окорокъ, стоило только не поспать ночь, и можно было навѣрно сказать, что убьешь медвѣдя изъ щелей блокауза; да притомъ и уснуть не было возможности, потому что волки своимъ воемъ держали насторожѣ. Вотъ и Гекторъ, сказалъ Натти, дружески похлопывая по широкой спинѣ большой черной съ желтыми пятнами охотничьей собаки, съ бѣлымъ хвостомъ и лапами; посмотрите, какъ волки прорвали ему горло. Это случилось въ ту ночь, когда они хотѣли вытащить у меня дичь изъ трубы. Да, собака вѣрнѣе инаго христіанина: она никогда не забываетъ своего друга и не противится той рукѣ, которая ее кормитъ.

Въ обращеніи стараго охотника было что-то особенное, что сильно привлекло къ нему вниманіе Елизаветы, такъ что она разсматривала его наружность и одѣяніе. Онъ былъ такъ высокъ и худощавъ, что казался выше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. На головѣ у него была теплая, хотя довольно потерявшая лисья шапка. Лицо его было также худощаво, какъ и вся его фигура, но черты выражали крепкое и постоянное здоровье. Его кожа получила ровный, красноватый оттѣнокъ отъ холода и вѣтра. Изъ-подъ густыхъ бровей, сквозь которыя начала уже пробиваться сѣдина, блестѣлъ все еще ясный и искристый глазъ.

Его худая шея была обнажена и доступна дождю и холоду; на томъ мѣстѣ, гдѣ застегнуто было его верхнее платье, виднѣлась узенькая полоса клѣтчатаго воротника. Остальная одежда его состояла изъ дубленой кожи оленя, еще покрытой волосами, поддерживаемой пестрымъ поясомъ. На ногахъ у него были надѣты мокасины также изъ оленьей кожи, украшенные колючками дикобразъ; камаши доходили до коленъ и были сшиты изъ оленьей кожи, равно какъ и панталоны, у которыхъ они оканчивались; вслѣдствіе этого поселенцы дали ему названіе Кожаный Чулокъ. Черезъ лѣвое плечо надѣтъ былъ ремень

изъ оленьей кожи, на которомъ висѣлъ оленьи рогъ, до того тонкій, что находящійся въ немъ порохъ видѣнь былъ насквозь; сбоку висѣлъ кожаный ягдташъ, изъ котораго онъ бралъ порохъ и вновь набивалъ свое длинное ружье. Пока онъ этимъ занимался, судья, заботливо осмотрѣвъ раны убитаго оленя, сказалъ:

— Я былъ бы очень радъ, Натти, еслибы могъ приписать себѣ честь и право на убитое животное. Положимъ, что отъ меня произошелъ выстрѣлъ въ шею, въ такомъ случаѣ животное мое, такъ какъ второй былъ уже безполезенъ, — мы называемъ это актомъ суперэргации.

— Называйте это какъ хотите учено, сказалъ охотникъ, держа лѣвой рукой ружье, а правой, придавивъ оловянную крышку своего ягдташа, вынулъ кусокъ кожи, пропитанной саломъ, вернулъ въ нее пулю, и, продолжая говорить, съ силой втиснулъ ее въ стволъ. — Называйте какъ хотите, но все же не вы убили оленя, онъ палъ отъ руки болѣе молодой, чѣмъ ваша и мои.

— Какъ вы объ этомъ думаете, молодой человѣкъ? шутя сказалъ судья спутнику Натти. Кинемъ жребій, и если вы проиграете, то деньги принадлежать вамъ. Что вы на это скажете, пріятель?

— Я вамъ скажу на это, что оленя убилъ я, гордо сказалъ молодой человѣкъ, облокотясь на ружье, столъ же длинное какъ и у Натти.

— Итакъ, вы стоите двое противъ одного, значить, перевѣсъ на вашей сторонѣ; мнѣ приходится faire bonne mine an mauvais jeu, и надѣяться, что вы продадите мнѣ, оленя. Было бы очень оригинально, еслибы я не сумѣлъ воспользоваться его смертію.

— Мнѣ нечего тутъ продавать, отвѣчалъ Кожаный-Чулокъ, въ которомъ мы узнали нашего старого друга, Соколинаго Глаза, — потому что часто случалось мнѣ видѣть, какъ еще прыгали животныя, раненныя въ шею. Я не изъ тѣхъ людей, которая любить оттянуть то, на что другіе имѣютъ полное право.

— Натти, сегодня вы упрямо держитесь своихъ правъ, сказалъ судья Темплъ, въ веселомъ расположеніи духа. Какъ вы думаете, молодой человѣкъ, достаточно дать за оленя три доллера?

— Прежде чѣмъ я отвѣчу на это, надо разрѣшить настоящій вопросъ о правѣ, такъ чтобы всѣ были довольны, отвѣтилъ молодой челоѣкъ скромно, но съ выраженіемъ, далеко несоотвѣтствующимъ его наружности. Какимъ количествомъ крупной дроби заряжено было ваше ружье?

— Пятью, милостивый государь, возразилъ судья: развѣ вы находите это недостаточнымъ для убіенія оленя?

О, конечно, было бы достаточно и одной дробины, отвѣчалъ тотъ, подходя къ дереву, изъ-за котораго вышелъ; но вспомните, что вы выстрѣлили по этому направленію, и въ этомъ деревѣ находятся четыре пули.

Судья освидѣтельствовалъ на елкѣ свѣжіе слѣды, покачалъ головою, и отвѣчалъ:

— Вы приводите доказательства противъ себя самого, молодой человѣкъ. Гдѣ же пятая пуля?

— Здѣсь, сказалъ молодой человѣкъ, откинувъ плащъ и показывая на скрутокъ отверстіе, откуда струились капли крови.

— Боже! съ ужасомъ вскричалъ судья: — я теряю здѣсь время, когда ближній мой страдаетъ отъ моей руки, не издавъ даже жалобы. Садитесь скорѣе въ сани, молодой человѣкъ; мы находимся недалеко отъ нашей деревни, гдѣ можемъ получить медицинскія пособія; все необходимое будетъ доставлено на мой счетъ. Вы должны остаться у меня до совершеннаго выздоровленія, и даже долѣе, если вамъ понравится.

— Благодарю васъ за доброе намѣреніе, но я не могу имъ воспользоваться: у меня есть другъ, который будетъ сильно беспокоиться, если я не возвращусь, да притомъ и рана легкая — кость не повреждена; все же я думаю, что вы согласитесь на мое право на оленя.

— Согласитесь! сказалъ взволнованный судья: я вамъ навсегда даю право стрѣлять во всѣхъ моихъ владѣніяхъ и лѣсахъ, если это вамъ вздумается; доселѣ никому не дано было такого права, кромѣ Кожанаго-Чулка, который, вѣроятно, съ удовольствіемъ раздѣлитъ его съ вами. Но я откупаю у васъ оленя, и взамѣнъ возьмите вотъ это.

Старый охотникъ стоялъ спокойно, пока судья высказывалъ это, потомъ проворчалъ про себя:

— Многіе утверждаютъ, что право Натти стрѣлять на этихъ горахъ гораздо древнѣе права Темпля запрещать ему это.

Не обращая вниманія на слова Натти, молодой человѣкъ вѣжливо поклонился судѣ и сказалъ ему учтиво, но съ твердостью:

— Извините меня, судья Темплъ, но мнѣ нужна эта дичина.

— Но за эту сумму вы можете купить любого оленя, сказалъ ему судья. Возьмите, пожалуйста, вѣдь это сто доллеровъ.

Молодой человѣкъ, казалось, колебался минуту; но вдругъ лицо его покрылось краской, и онъ вторично съ низкимъ поклономъ отвергъ предложеніе. Въ этотъ моментъ Елисавета встала, откинула вуаль и настоятельно сказала:

— Конечно, вы не обидите такъ моего отца, отяготивъ его совѣсть сознаниѣмъ, что онъ оставилъ въ лѣсу безъ помощи челоѣка, котораго ранилъ. Прошу васъ, поѣдемте съ нами и согласитесь посоветоваться съ докторомъ.

Юноша все еще колебался; но въ это время судья подошелъ къ нему, съ нѣжнымъ усиліемъ толкалъ

его и заставлял войти в сани.

— Вы не найдёте помощи ближе чѣмъ въ Темплѣтонѣ, такъ какъ жилище Натти на разстояніи часа ѣзды. Натти успокоитъ вашего друга, а завтра я самъ отвезу васъ на родину, если вы будете на этомъ настаивать.

— Да, мой милый, сказалъ Кожаный Чулокъ, стоявшій все это время задумчиво, облокотясь на ружье это будетъ въ сущности самое лучшее, если ты пойдешь съ ними, такъ какъ рука моя уже не годится, какъ въ старое время, для того, чтобъ вырѣзать пулю. Да, тридцать одинъ годъ тому назадъ, во время войны, я цѣлый семьдесятъ англійскихъ миль шелъ по дикой пустынѣ съ пулей въ бедрѣ, и только уже потомъ твердой рукой вырѣзалъ ее карманнымъ ножомъ. Старый Чингагкокъ подробно помнитъ это дѣло. Я встрѣтилъ его съ толпой Делаваровъ, преслѣдовавшихъ шайку Ирокезовъ, и при этомъ оставилъ краснокожему память, которую онъ, вѣроятно, унесъ съ собой въ могилу. Я схватилъ его за спину, и всадилъ ему въ обнаженную кожу три пули такъ близко, что всѣ три можно было покрыть долларомъ. Да, да, судья, я долженъ былъ прибѣгнуть къ оленьему заряду, такъ какъ потерялъ форму для пули, но ружье было такъ вѣрно, что зарядъ не рассыпался такъ, какъ изъ этихъ двуствольныхъ штукъ, съ которыми вовсе не сподручно ходить на охоту.

Пока Кожаный Чулокъ болталъ такимъ образомъ, молодой человѣкъ влѣзъ въ сани, а негръ положилъ оленя къ прочей поклажѣ. Судья приглашалъ съѣсть также и Натти.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ этотъ, качая головой; у меня есть дома дѣло въ сочельникъ. Поѣзжайте съ молодцомъ и пусть докторъ осматриваетъ его руку; да если вы случайно встрѣтите на дорогѣ или у озера стараго Джона, то не забудьте взять его съ собой. Онъ имѣетъ больше понятія объ излеченіи ружейныхъ ранъ, чѣмъ всѣ доктора на свѣтѣ.

— Натти! прервалъ молодой охотникъ, не говорите дома ничего о выстрѣлѣ, и какъ только пуля будетъ вынута, я принесу вамъ на сочельникъ четверть оленя.

— Тише! сказалъ Кожаный Чулокъ, знаменательно поднявъ палецъ и тихо окидывая глазами вѣтви красной ели и опушку лѣса. Скоро, однако, онъ остановился, поднявъ курокъ, сталъ на колѣни въ снѣгу протянулъ лѣвую руку къ ружью и направилъ его къ стволу дерева. Сидѣвшіе въ саняхъ внимательно слѣдили за движеніями его, и такимъ образомъ скоро увидѣли предметъ, въ который цѣлился Натти. На маленькой, сухой вѣткѣ высокой красной ели, возвышавшейся на 70 футовъ, сидѣлъ дикій фазанъ. Испуганная лаемъ собакъ, птица прижалась къ стволу, и только вытянула голову и шею, чтобы взглянуть на своего преслѣдователя. Какъ только курокъ Кожаного Чулка былъ направленъ на фазана, онъ выстрѣлилъ, и птица съ такою силою упала съ дерева, что совсѣмъ зарылась въ снѣгъ.

— Кушъ, Гекторъ! закричалъ Кожаный Чулокъ собакамъ, хотѣвшей подбѣжать къ дереву.

Собака тотчасъ послушалась, и Натти снова зарядилъ ружье съ заботливостію, доведенной до высшей степени. Окончивъ это, онъ досталъ убитаго фазана, и показалъ прочимъ, что отстрѣлилъ ему голову.

— Ну, теперь ты можешь оставить свою дичину, мой милый; эта курица будетъ лакомымъ кускомъ старику для сочельника. Посмотрите-ка, судья, развѣ вы можете достать вамъ ружьемъ на такое разстояніе, не испортивъ ни одного пера.

Старый лѣсникъ смѣялся своимъ обыкновеннымъ, тихимъ смѣхомъ; потомъ, взбросивъ свое ружье на плечо, кивнулъ обществу въ знакъ прощанія, и быстрыми шагами пошелъ въ лѣсъ. Скоро онъ и его собака исчезли за высокими деревьями, между тѣмъ какъ сани поднимались на гору.

До этого времени, судья Темплъ былъ слишкомъ изумленъ, чтобы могъ ближе рассмотреть своего спутника, но теперь онъ замѣтилъ, что это былъ юноша лѣтъ 23, статный и красивый; глубоко погруженный въ мысли, молча сидѣлъ онъ противъ него.

— Я думаю, молодой человѣкъ, замѣтилъ судья, обращаясь къ незнакомцу, что испугъ мой заставилъ меня забыть ваше имя, если оно уже было произнесено, однако лицо ваше мнѣ кажется до того знакомымъ, что я думаю, что видѣлъ васъ уже гдѣнибудь раньше.

— Я здѣсь всего только три мѣсяца, а вы, кажется, это время были въ отсутствіи, отвѣчала молодой человѣкъ такъ холодно, что у судьи прошла всякая охота продолжать разговоръ. Онъ молча отвернулся и нѣсколько времени спокойно наблюдалъ его.

Лошади въ это время достигли вершины горы, и чувствовали инстинктивно, что скоро конецъ ихъ путешествію. Бодро закусивъ удила и забросивъ головы, быстро понеслись онъ по ровной, снѣжной поверхности, и скоро достигли мѣста, гдѣ дорога была довольно крута и извилиста вела въ долину.

— Теперь, Лиза, сказалъ судья, пробуждаясь отъ задумчивости, теперь ты можешь видѣть свою родину. Тамъ мѣсто покоя на всю твою жизнь, и на вашу, молодой человѣкъ, если вы захотите остаться.

Тѣ, къ кому относились эти слова, обратились въ ту сторону, и глазамъ ихъ представился великолѣпный видъ. Подъ ними лежала обширная равнина, покрытая снѣгомъ и окруженная лѣсистыми горами. Тамъ и сямъ чрезъ засѣки видѣлись открытыя мѣста, которая хотя были невелики и островообразны, но доказывали обитаемость свою тѣмъ, что надъ верхушками деревьевъ видѣлся дымъ. Съ восточной стороны развивалась обширная плоскость, на которой не было ни одного растенія, и только

шероховатая поверхность и дымившіяся изъ нея испаренія показывали, что это было озеро, подъ своимъ зимнимъ покровомъ. Узкій ручеекъ протекалъ по упомянутому мѣсту, и течение его на нѣсколько миль можно было узнать только по елямъ и пихтамъ, окаймлявшимъ берега. На крутомъ берегу озера лежала деревня Темпльтонъ, состоявшая изъ 50 деревянныхъ домовъ, раскрашенныхъ пестрыми красками. Домъ судьи возвышался надъ всѣми, и хотя былъ построенъ въ оригинальномъ стилѣ, но все-таки импонировалъ своею величиною. Онъ былъ возведенъ изъ камня, и тѣмъ отличался отъ другихъ зданій.

Пока всѣ смотрѣли на долину съ напряженнымъ вниманіемъ, они услышали веселое бряцаніе саней, которыя, казалось, быстро приближались къ нимъ. Такъ какъ вся дорога была покрыта кустарниками, то сани можно было разглядѣть лишь тогда, когда упряжки совершенно сблизились другъ съ другомъ. Съ перваго же взгляда судья узналъ находившееся въ саняхъ общество. Оно состояло изъ четырехъ мужчинъ, изъ коихъ одинъ правилъ четырьмя превосходными конями, и гналъ ихъ по скату съ увѣренностью и безъ боязни. Это былъ шерифъ графства, Ричардъ Джонъ, двоюродный братъ судьи. Въ саняхъ сидѣлъ господинъ Грандъ проповѣдникъ околodka, Лекуа, первый купецъ Темпльтона, и майоръ Гартманъ, нѣмецъ по происхожденію; всѣ трое были друзьями дома.

Ричардъ Джонъ остановилъ лошадей, и обои сани стояли другъ противъ друга, такъ что сидѣвшіе въ нихъ могли обмѣняться поклонами. Когда это кончилось, то Ричардъ снова повернулъ лошадей, по направленію къ деревнѣ. Какъ разъ подъ мѣстомъ, гдѣ стояли сани, была каменоломня и потому надо было много осторожности повернуть ихъ такъ, чтобы они не скатились въ пропасть. Негръ предложилъ отпрячь переднихъ лошадей, и это мнѣніе сильно поддерживать судья. Но Ричардъ, бывшій весьма самонадѣяннымъ, отвергъ это съ пренебреженіемъ.

— Зачѣмъ отпрягать, кузень, сказалъ онъ съ не удовольствіемъ, — лошади такъ смиренны, какъ овцы; сѣрыхъ, какъ ты знаешь, я выѣздилъ самъ, а воронья такъ близки къ кнуту, что ими можно управлять. Спроси господина Лекуа, есть ли тутъ хотя малѣйшая опасность.

Французъ былъ слишкомъ вѣжливъ, чтобы разочаровать Ричарда въ его увѣренномъ ожиданіи, хотя, когда тотъ повернулъ къ каменоломнѣ, самъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на эту бездну.

Нѣмецъ оставался совершенно спокойнымъ, но внимательно наблюдалъ за каждымъ движеніемъ. Грандъ уперся о стѣнки саней, чтобы быть готовымъ выскочить.

Ричардъ, между тѣмъ, притиснулъ лошадей къ снѣжной плотинѣ, окаймлявшей каменоломню. Лошади замѣтили, что чѣмъ далѣе онѣ подвигались, тѣмъ погружались все глубже; упрямо противились онѣ идти далѣе, и отступали на заднихъ лошадей, не смотря на крики и кнутъ своего вожатаго; дышловыя тоже попятились назадъ, сани вышли изъ колеи, и покрытые снѣгомъ колья оставались единственнымъ препятствіемъ паденія ихъ въ пропасть. Сани безъ труда перекинулись чрезъ эту слабую преграду, и, прежде чѣмъ Ричардъ могъ сообразить опасность, уже половина ихъ висѣла надъ пропастью, глубиной въ 100 футовъ. Французъ первый замѣтилъ опасность, и въ ужасѣ вскрикнулъ:

— Ахъ, мосеъ Ричардъ, что вы дѣлаете. Боже мой. Боже мой!

— Чортъ возьми, неужели вы хотите опрокинуть насъ въ пропасть, закричалъ нѣмецъ, выглянувшій изъ саней съ необыкновенною живостью.

— Милѣйшій господинъ Джонъ, сказалъ пасторъ, прошу васъ, будьте осторожнѣе.

— Впередъ, упрямые черги! вскричалъ Ричардъ, увѣрившись наконецъ въ опасности угрожавшаго ему положенія и толкая нетерпѣливо ногами: — впередъ, проклятыя животныя.

— Боже, мы всѣ погибли! вскричалъ судья. Елизавета пронзительно вскрикнула и цвѣтъ лица негра, сидящаго въ другихъ саняхъ, сдѣлался грязно-сѣрымъ. Въ этотъ ужасный моментъ, когда сани Ричарда уже перевернулись, молодой охотникъ наскочилъ на упрямыхъ сѣрыхъ, которые отъ кнута совершенно одичали и все болѣе пятались назадъ, чтобы покончить съ страшнымъ мученіемъ. Молодой человѣкъ сильно ударилъ ихъ по головамъ; онѣ быстро бросились въ сторону, и попали на прежнюю дорогу. Сани, спасенныя отъ ужаснаго положенія, перевернулись, выкинувъ, безъ особыхъ приключеній, всѣхъ сидящихъ въ нихъ. Ричардъ полуборотомъ полетѣлъ по воздуху, и не достигъ всего на 20 шаговъ снѣжной плотины, которой лошади такъ боялись. Онъ держался крѣпко за возжи, и такимъ образомъ имѣлъ видъ якоря; французъ, готовый выскочить, полетѣлъ головою въ снѣгъ, и ноги его, вытянутыя вверхъ, представляли собою птичье пугало. Майоръ Гартманъ, не терявшій ни на минуту присутствія духа, первый поднялся на ноги, и сказалъ:

— Чортъ возьми, Ричардъ, у васъ совсѣмъ особая манера выпроваживать изъ саней гостей вашихъ.

Грандъ упалъ на колѣни, не потерпѣвъ никакого вреда, и заботливо осматривалъ своихъ спутниковъ. Первое время Ричардъ совершенно смѣшался; но, видя что никто не потерпѣлъ вреда, снова принявъ свой самодовольный видъ.

— Ну, что же, мы отдѣлались довольно счастливо, сказалъ онъ, гордо осматриваясь. Да, да, съ моей стороны было благою мыслью не бросать возжей, не то это проклятыя черти давно бы покатились съ горы. А что, Дукке, развѣ я не выказалъ храбрости; еще минута и все пропало; я зналъ, какъ лучше удержатъ бестій, ударъ въ правую сторону и дерганье возжами привело все въ настоящій порядокъ.

— Да, нечего сказать, много сдѣлали твои удары и дерганье, сказалъ судья, чистосердечно смѣясь. Вы всѣ лежали бы въ безднѣ раздавленными вмѣстѣ съ вашими лошадьми, безъ храброй помощи этого

юноши. Гдѣ же господинъ Лекуа?

— Ah! mon Dieu monsieur, я еще живъ, отозвался тотъ задыхающимся голосомъ. Подите сюда, мосье Агамемнонъ, и помогите мнѣ подняться на ноги.

Али подскочилъ и помогъ французу встать на ноги. Мосье Лекуа выразилъ свое неудовольствие, но, убѣдившись, что совершенно невредимъ, снова пришелъ въ веселое расположение духа. Послѣ насмѣшекъ надъ неловкостью Диккь-Джонса, въ который этотъ однако не сознался, всѣ сѣли снова въ сани, и безъ дальнѣйшихъ приключеній продолжали дорогу къ дому Ричарда.

У дверей дома ихъ встрѣтили слуги, между которыми особенно выдавались, по своему званію и наружности: дворецкій и доверенный Ричарда Джонса, Веньяминъ Пенгильянъ, старый, упрямый, но весьма добросердечный дѣтина, и ключница, дѣвица Птибонъ. Съ собачьей своры Ричарда раздавался страшный шумъ, въ которомъ слышались всевозможные голоса, начиная съ волчьего воя до тьяканья барсука. Ричардъ отвѣчалъ удачнымъ передразниваньемъ на это громкое привѣтствіе. Собаки, сконфуженныя превосходствомъ его, возобновили свой шумъ; только красивый бульдогъ съ мѣднымъ ошейникомъ оставался спокоенъ. Во время шума своихъ собратій, онъ величественно подошелъ къ Ричарду, и повернулся къ Елизаветѣ, которая поласкала его. Благородное животное узнало ее, несмотря на ея многолѣтнее отсутствіе, и выказывало свою радость. Когда она удалилась, животное наблюдало за ней, потомъ вошло въ свою конуру, какъ будто сознавая, что въ домѣ теперь есть кладъ, который должно охранять.

Общество въ это время отправилось въ освѣщенную залу, переодѣлось и расположилось весьма уютно. Всѣ казались веселыми и довольными, только раненый молодой человѣкъ стоялъ у окна, облокотясь на ружье, и, казалось, строгимъ взглядомъ осматривалъ присутствующихъ. Судья, вспомнивъ, что надо оказать ему помощь, послалъ за докторомъ, который явился чрезъ нѣсколько минутъ и приготовился осмотрѣть рану.

Безъ особенныхъ требованій, незнакомецъ открылъ плечо, и показалъ рану, сдѣланную дробью. Вечерній холодъ приостановилъ кровь; докторъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлалъ надрѣзь, обнаружилъ дробину, вынулъ ее, и только-что собирался сдѣлать перевязку, какъ дверь въ залу отворилась, и въ комнату вошелъ старый Чингахокъ, Большой Змѣй, котораго теперь жители деревни звали Джонъ Могиканъ. Много лѣтъ пронеслось надъ нимъ, и онъ былъ уже старикомъ, но черные глаза его блестѣли, какъ огонь, и туловище его было такъ же крѣпко и прямо, какъ въ дни молодости. Замѣтивъ, что присутствующіе обратили на него вниманіе, онъ спустилъ съ плечъ плащъ, покрывавшій верхнюю часть его тѣла, подошелъ къ молодому охотнику, осмотрѣлъ его рану, и кинулъ взоръ на судью, который былъ изумленъ странными приемами индѣйца, но все же протянулъ ему руку и сказалъ:

— Добро пожаловать, Джонъ, не хочешь ли ты принять на себя леченіе своего друга?

— Блѣднѣлице не любитъ крови, отвѣтилъ Чингахокъ по-англійски, но все же молодой орелъ былъ раненъ рукой, которая не должна дѣлать ничего дурнаго.

— Могиканъ, старый Джонъ Могиканъ, не думай, что я съ намѣреніемъ пролилъ человѣческую кровь.

— Часто злой духъ поселяется въ лучшихъ сердцахъ

— Но съ какой стати сдѣлаю я вредъ молодому человѣку, котораго прежде никогда не зналъ и не видалъ, Джонъ; стыдитесь приписывать мнѣ такой грѣхъ.

— Уши мои открыты, и я слышу слова моего брата: онъ невиненъ и не хотѣлъ сдѣлать ничего дурнаго.

Старый индѣецъ взялъ корзинку, въ которой были разныя травы, и искусно сдѣлалъ перевязку молодому человѣку.

— Я не хочу васъ болѣе беспокоить, сказалъ молодой человѣкъ, надѣвая платье. Теперь намъ остается только рѣшить наши права на оленя, господинъ судья.

— Я соглашаюсь, что онъ принадлежитъ вамъ; но останьтесь у насъ до завтра, тогда мы рѣшимъ это дѣло къ удовлетворенію обѣихъ сторонъ и приведемъ его въ ясность.

— Оно должно рѣшиться сегодня, отвѣтилъ юноша, такъ какъ я уже сказалъ вамъ, что мнѣ нужна дичина, и я не хочу остаться у васъ на ночь.

— Но онъ будетъ вашъ рѣшительно весь, исключая спины, перебилъ Джонъ своего брата.

— Вы какъ разъ оставляете ту часть животнаго, которую я могу пользоваться. Мнѣ нужно спину, и я долженъ имѣть ее.

— Долженъ? повторилъ Ричардъ: долгъ есть крѣпкій грѣхъ, крѣпче даже внутренностей оленя.

— Да, долженъ, сказалъ молодой человѣкъ, гордо откинувъ голову, если только человѣкъ долженъ пользоваться тѣмъ, что онъ убилъ.

— Законъ за васъ, сказалъ судья Темплъ, съ видомъ обиды, перемѣшанной съ изумленіемъ. Позаботься, Веньяминъ, чтобы всего оленя положили въ сани молодого человѣка, в отвезли въ хижину Кожанаго Чулка. Но вѣдь у васъ же есть имя, молодой человѣкъ? и я васъ опять увижу, чтобы загладить вредъ, причиненный вамъ мною.

— Меня зовут Оливеръ Эдвардсъ, и меня легко найти; я живу по соседству, и мнѣ не зачѣмъ прятаться, такъ какъ я не сдѣлалъ никому зла.

— Но вѣдь вредъ произошелъ отъ насъ, сказала Елизавета, и вы обидите отца моего, если отвергнете его помощь. Намъ бы всѣмъ было очень пріятно видѣть васъ завтра.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ, низко поклонился, и отвѣтилъ:

— Хорошо, я завтра навѣщу судью Темпля, и въ знакъ дружбы воспользуюсь предложенными санями.

— Дружбы? повторилъ Мармадуке: я не имѣлъ намѣренія обидѣть васъ, и вы ни на минуту не должны были подозрѣвать это.

Незнакомецъ съ минуту стоялъ неподвижно и озабоченно, потомъ дико и живо осмотрѣлъ комнату своими темными глазами, поклонился и вышелъ изъ нея съ миной, устранившей всякую попытку удержать его.

— Странно, сказалъ Мармадуке, такъ молодъ и такъ неговорчивъ; вѣроятно, завтра, когда онъ придетъ сюда, съ нимъ легче будетъ поговорить.

Елизавета, къ которой обращены были эти слова, ничего не отвѣчала, повернулась и прошла чрезъ залъ въ столовую, куда послѣдовало и все общество, исключая Чингахгока, который, накинувъ плащъ, отправился въ свою хижину.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На слѣдующее утро погода измѣнилась; небо покрылось облаками, и поднявшійся южный вѣтеръ служилъ несомнѣннымъ признакомъ наступающей оттепели. Елизавета проснулась, когда на восточныхъ горахъ явились уже солнечные лучи, набросила на себя шубу и отправилась на чистый воздухъ, дабы удовлетворить своему любопытству осмотромъ окрестностей. Когда она вышла изъ воротъ, то встрѣтила своего дядю, шерифа Ричарда Джона, который тотчасъ присоединился къ ней для сопровожденія ея въ предпринятой прогулкѣ.

Разговаривая о разныхъ предметахъ, они довольно удалились отъ дома, и пришли на пустое мѣсто за деревней, гдѣ снѣжное поле пересѣкалось мрачнымъ сосновымъ лѣсомъ. Шумъ вѣтра, проносившагося по верхушкамъ деревь, покрывалъ шумъ ихъ шаговъ, между тѣмъ какъ вѣтви закрывали ихъ самихъ. Скрытые такимъ образомъ, они приблизились къ мѣсту, гдѣ молодой охотникъ Эдвардсъ, Кожаный-Чулокъ и Чингахгокъ заняты были серьезнымъ разговоромъ. Первый говорилъ съ большимъ жаромъ, между тѣмъ какъ Натти и его другъ вслушивались болѣе чѣмъ съ обыкновеннымъ вниманіемъ.

— Дядюшка, пойдемте дальше, сказала Елизавета Мы не имѣемъ никакого права подслушивать тайны этихъ людей.

— Никакого права, Лиза? возразилъ Ричардъ. Ты кажется, забыла, что моя обязанность, какъ шерифа, состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о спокойствіи округа и наблюдать за исполненіемъ законовъ. Подойдемъ же ближе и послушаемъ, что говорятъ эти люди.

Шерифъ не обратилъ вниманія на сопротивление племянницы, и поставилъ на своемъ. Они такъ близко подошли къ тремъ пріятелямъ, что ясно могли разобрать все, что говорилъ молодой охотникъ и другіе.

— Мы должны, такъ или иначе, получить птицу, сказала Кожаный-Чулокъ. Прежде, мой милый, индѣйки не были такъ рѣдки въ этомъ округѣ; теперь же, если хочешь имѣть такую, то надо идти почти до виргинской почвы. Жирный индюкъ славная вещь, хотя я съ своей стороны предпочитаю всему бобровый хвостъ и медвѣжьей окорокъ. Но вкусы различны. Я заплатилъ сегодня французскому торговцу за порохъ все, до послѣдняго шиллинга, а такъ какъ и у васъ ничего нѣтъ, то мы можемъ сдѣлать по немъ только одинъ выстрѣлъ. Я знаю, Билли Кирби тоже здѣсь, и надѣется, что индюкъ не уйдетъ отъ него. У Чингахгока вѣрный глазъ; но моя рука иногда дрожитъ, когда предстоитъ только одинъ выстрѣлъ и случается что-нибудь необыкновенное. Когда я послѣднюю осень охотился за медвѣдями, то еще справлялся съ ихъ медвѣжатами, какъ ни были они свирѣпы; одного за другимъ убивалъ я изъ моей засады за деревьями, но это совсѣмъ другое дѣло, Оливеръ.

— Вотъ это и мое ружье — единственныя сокровища, которыя я имѣю, съ горечью сказалъ молодой человѣкъ, вынимая изъ кармана шиллингъ. Я теперь совершенный лѣсникъ и долженъ охотой обезпечивать свое существованіе. Итакъ, Натти, употребимъ на птицу и послѣдній шиллингъ; отъ вашей руки долженъ быть успѣхъ.

— Я лучше бы желалъ, чтобы это исполнилъ Чингахгокъ, ибо, если вы этимъ такъ дорожите, то я увѣренъ, что промахнусь.

— Вотъ мой шиллингъ, Чингахгокъ! Возьми мое ружье и стрѣлай въ жирнаго индюка, который привязанъ къ пню.

— Господинъ Оливеръ охотно бы желалъ имѣть птицу, а я знаю, что когда тороплюсь, то ничего не могу исполнить.

Индецъ сдѣлать отрицательный жестъ.

— Когда Чингахокъ былъ молодъ, возразилъ онъ, то пуля его лѣтѣла такъ же прямо, какъ лучи его глазъ, и воины Мингосовъ страшились его ружья. Стрѣлялъ ли онъ когда-либо два раза? Онъ убивалъ орла, парящаго надъ облаками, а перья его служили украшеніемъ для женщинъ. Теперь рука его дрожитъ, какъ дрожитъ олень при воѣ волковъ. Чингахокъ не можетъ стрѣлять.

Въ это время Елизавета подвинулась впередъ, и вошла въ небольшой кругъ кустарниковъ, окружавшихъ трехъ охотниковъ. Появленіе ея такъ поразило юношу, что онъ хотѣлъ сначала удалиться; но потомъ, собравшись съ духомъ, поклонился и снова оперся на ружье. Натти и Чингахокъ были не менѣе удивлены этимъ внезапнымъ появленіемъ.

— Я сейчасъ слышала, что до сихъ поръ еще сохранилось старое рождественское удовольствіе убивать индѣекъ, и очень хотѣла бы испытать на птицѣ и мое счастье. Кто изъ васъ хочетъ взять эти деньги и рискнуть для меня выстрѣломъ? Вы, Натти, ветеранъ нашихъ лѣсовъ, конечно, не будете такъ неучтивъ, чтобы отказать дамъ въ выстрѣлѣ изъ вашего ружья?

При этихъ словахъ она всунула долларъ старому охотнику. Кожаный-Чуллокъ положилъ деньги въ мѣшокъ для дрови, и, взоросивъ потомъ ружье на плечо, отъ души, тихо засмѣялся и сказалъ:

— Если только Билли Кирби не воспользуется птицей раньше меня, то сегодня вы увидите такую индѣйку, какая едвали когда-нибудь подана была на столъ судьи. Итакъ пойдемте, дѣти, ибо если мы будемъ долго ждать, то лучшая птица отправится къ чорту.

— Но я имѣю передъ вами преимущество, Натти, и долженъ сперва попробовать свое собственное счастье, сказалъ Оливеръ.

— Дѣйствуйте по вашему усмотрѣнію, сказала Елизавета. Вы оба охотники счастья, а Натти мой рыцарь, глазу и рукѣ котораго я вѣрю послѣдствія. Идите впередъ, Кожаный-Чуллокъ, мы слѣдуемъ за вами.

Натти, который, казалось, находилъ удовольствіе въ откровенности дѣвушки, возобновилъ свой довольный смѣхъ съ свойственнымъ ему выраженіемъ веселости, и большими шагами направился къ мѣсту, гдѣ должна была происходить стрѣльба. За нимъ слѣдовали и остальные, а равно и Елизавета, опиравшаяся на руку дяди.

Рождественское удовольствіе стрѣлять по индѣйскъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, которыя рѣдко забываются переселенцами. Владѣлецъ птицы былъ свободный негръ, доставлявшій при этомъ случаѣ и другихъ животныхъ, которыя должны были быть убиты.

Устройство праздника было очень просто и легко понятно. Птица шнуркомъ привязывалась къ обрубу большой сосны, которая со стороны стрѣльбища плоско отрубалась топоромъ, чтобы служить цѣлью. Пространство между пнемъ и мѣстомъ стрѣльбы имѣло сто отфрѣнныхъ локтей. Негръ назначалъ цѣну за каждую птицу и опредѣлялъ условія, когда это было сдѣлано, то законъ ставилъ ненарушимымъ правиломъ допускать къ стрѣльбѣ каждого свободного охотника.

На площади находилось около 30 молодыхъ людей, снабженныхъ ружьями, и всѣ ученики деревни. Мальчики, заложивъ руки въ карманы, толкались между охотниками и слушали ихъ хвастовство, рѣшившись превзойти всѣ великія дѣянія героевъ.

Главный ораторъ былъ упомянутый Кожанымъ-Чулкомъ Билли Кирби, пустой и буйный молодой человѣкъ, котораго работа, если онъ когда-либо ею занимался, состояла въ очищеніи деревни и выкапываніи корней. Шумливого и добродушнаго нрава, онъ былъ въ состояніи по цѣлымъ недѣлямъ толкаться изъ кабака въ кабакъ, когда онъ думалъ, что кліенты его могутъ обсчитать его на шиллингъ; но если съ нимъ сходились, то онъ, взявъ топоръ и корзину, направлялся скорыми шагами къ лѣсу; здѣсь онъ опредѣлялъ свой округъ, обозначая его на окружающихъ деревьяхъ и прикладываясь весьма часто къ своей манеркѣ; потомъ раздумывая отправлялся на назначенное ему мѣсто, снимая съ себя излишнее платье, разглядывая испытующимъ взоромъ деревья, вершины коихъ доходили до облаковъ. Для пробы своей силы онъ избиралъ обыкновенно самое лучшее дерево и приближался къ нему, нагѣвая хладнокровно пѣсню; потомъ увѣреннымъ топоромъ дѣлалъ на корѣ зарубку и измѣрялъ разстояніе; затѣмъ наступала знаменательная минута для лѣса, который цвѣлъ и зеленѣлъ сотни лѣтъ. Наконецъ раздавался трескъ, когда дерево ломалось на мѣстѣ удара, потомъ шумъ вѣтвей на сосѣднихъ деревьяхъ и паденіе на землю, походившее на землетрясеніе. Съ этой минуты непрерывно раздавался стукъ топора и паденіе деревьевъ, подобно отдаленной канонадѣ, и въ глубину пробивался свѣтъ со скоростію зимняго утра.

Кирби могъ продолжать работу дни, недѣли и мѣсяцы съ усердіемъ и послѣдовательностію, доходящими до невѣроятныхъ предѣловъ. Часто въ лѣтній вечеръ слышали въ Темплътонѣ, какъ онъ призывалъ своего вола по окончаніи работы, голосомъ стентора, и эхо повторяло его зовъ, который замиралъ въ горахъ, окружающихъ озеро. Когда онъ оканчивалъ съ необыкновенной силой и скоростію уборку дровъ, то собиралъ свои рабочіе инструменты, зажималъ вѣтви, и удалялся изъ горящаго лѣса, какъ завоеватель города, увѣчавшій свою побѣду горящимъ факеломъ. Долго послѣ того можно было встрѣтить Кирби шагающаго по кабакамъ и развѣжающаго на крестьянскихъ лошадяхъ. Онъ бралъ на себя роль глашатая при пѣтушійхъ бояхъ, и часто былъ героемъ народныхъ удовольствій.

Между порубщиком и Кожаным-Чулком давно существовало соперничество в употреблении ружья. Натти мог похвастать давней опытностью, но говорили, что и Билли не отставал от него; и теперь первый раз они должны были состязаться публично.

Билли только-что сошелся в цѣль избранной птицы, какъ подошли Натти и спутники его. Призъ, назначенный за выстрѣлъ, состоялъ изъ шиллинга (четыре гроша или 18 крейцеровъ). Индюка привязали къ цѣли, но туловище его было все покрыто снѣгомъ, и виднѣлась только красная голова и длинная шея. Если птица повредилась подъ снѣгомъ, то оставалась собственностью ея владѣльца, но если хотя одно перо падало изъ видной части, то она доставалась, какъ призъ, охотнику.

Негръ, сидѣвшій въ довольно опасномъ сосѣдствѣ около птицы, только-что успѣлъ назначить условія, какъ приблизилась Елисавета съ дядей, и стрѣльба началась.

— Прочь съ дороги! крикнулъ Билли окружающимъ мальчишкамъ, выступая на боевое мѣсто. — Прочь, чертенята! не то прострѣлю васъ насквозь. Ну, Бротъ, простись съ твоей индѣйкой.

— Остановись! воскликнулъ Оливеръ Эдвардсъ, я тоже участникъ, и вотъ мой шиллингъ, Бротъ.

— Ого! сказали Билли молодому человѣку, у васъ такъ много денегъ, что вы платите за выстрѣлъ, который вамъ никогда не удастся.

— Не ваше дѣло заботиться, сколько у меня въ карманѣ, гордо отвѣтилъ молодой человѣкъ: я хочу стрѣлять, Бротъ, и вотъ вамъ за то деньги.

— Ну, ну, не горячитесь такъ, молодой человѣкъ, сказали Билли, осматривая свой кремень: у васъ, какъ я слышалъ, повреждено лѣвое плечо, и Бротъ можетъ доставить вамъ выстрѣлъ за полицны. Не думайте, что легко попасть въ птицу, если только вамъ это удастся, потому что я всѣми силами буду препятствовать этому.

— Не очень-то важничайте, Билли Кирби, сказали Кожаный-Чулкомъ, облокотясь на стволъ своего ружья. Вамъ предстоитъ только одинъ выстрѣлъ, и если вы промахнетесь, то за вами послѣдуетъ привычный глазъ. Хотя моя стрѣльба не такъ увѣрена какъ прежде, но 100 локтей не большое расстояние для длиннаго ружья.

— Вотъ какъ, старый Кожаный Чулокъ тоже поднялся за нами, легкомысленно вскрикнулъ Билли Кирби. Вѣдь я имѣю преимущество, старина, и скоро увидимъ, кто будетъ ѣсть это сочное жаркое.

Пока порубщикъ поднималъ оружіе, хозяинъ индѣйки старался отвлечь его вниманіе и рѣзко вскрикнулъ:

— Билли Кирби, послушай чествомъ, отойди-ка подальше, я не хочу дать себя въ обманъ! Дайте мѣсто, мальчишки! Шельма индѣйка, качай же головой, развѣ ты не видишь, что въ тебя цѣляютъ?

Всѣ эти восклицанія негра были совершенно напрасны, потому что не такъ-то легко было раздражить нервы порубщика. Билли прицѣлился съ большой осторожностью; нѣкоторое время господствовала тишина, но курокъ щелкнулъ, и раздался выстрѣлъ. Голова индѣйки повисла на сторону, и нѣсколько времени она махала крыльями, но потомъ удобно помѣстилась и живо стала смотрѣть кругомъ. Негръ прервалъ молчаніе, и съ восторгомъ расхохотался, катаясь отъ удовольствія по снѣгу.

— Славный индюкъ! воскликнулъ онъ подпрыгивая, дайте-ка еще мнѣ шиллингъ, если хотите сдѣлать другой выстрѣлъ.

— Нѣтъ, теперь моя очередь, сказалъ Оливеръ, я заплатилъ деньги. Посторонитесь и дайте мѣсто.

— Любезный другъ, у васъ дрожитъ рука, сказалъ Натти, — не стрѣляйте лучше, а если хотите уже непременно, то стрѣляйте скорѣе, пока ваша невѣрная рука не потеряла цѣли.

— Послушайте чествомъ, сказалъ хозяинъ индѣйки: вы не имѣете права давать совѣты Натти Бумпо. Оставьте его стрѣлять, и дайте ему мѣсто.

Юношѣ очистили мѣсто; онъ живо выстрѣлилъ, но индѣйка и не шевельнулась, пуля не попала даже и въ цѣль.

Радость Брота при вторичной неудачѣ исчезла окончательно, когда Эдвардсъ удалился пораженный, а Натти Бумпо взошелъ на мѣсто стрѣльбы. Лицо его сдѣлалось голубовато-коричневымъ, и руки его пересилили врожденное отвращеніе къ холоду.

Старый лѣсникъ приготовился: выставилъ правую ногу, лѣвой рукою взялся за стволъ, и направилъ его на птицу. Всѣ глаза были обращены къ цѣли; но въ моментъ, когда думали услышать выстрѣлъ, услышали только стукъ кремня.

— Осѣчка, осѣчка! съ торжествомъ вскричалъ негръ, и радостно подбѣжалъ къ птицѣ. Натти Бумпо осѣкся! Натти Бумпо не попалъ въ индюка!

— Глупости, сказали съ раздраженіемъ старый лѣсникъ: убирайся съ дороги, Бротъ. Какъ можешь ты быть такимъ сумасшедшимъ, чтобы считать осѣчку выстрѣломъ? Пусти, я покажу Билли Кирби, какъ надо бить рождественскаго индюка.

— Нѣтъ, закричалъ негръ, Бротъ поступаетъ честно; всѣ знаютъ, что осѣчка считается выстрѣломъ. Спроси Монса Джонса и молодую даму. — Да, да, Кожаный-Чулкомъ, — вмѣшался Кирби, — негръ правъ: если ты хочешь еще стрѣлять, то долженъ заплатить шиллингъ. Я еще разъ хочу испытать свое счастье; возьми шиллингъ, Бротъ; первый выстрѣлъ мой.

— Вы вѣрно лучше меня знаете лѣсные законы? иронически замѣтил Натти. Вы пріѣхали въ страну съ колонистами, а я былъ здѣсь при старой войнѣ, въ мокасилахъ и съ ружьемъ чрезъ плечо. Конечно, вы должны знать лучше меня, не правда ли? Вздоръ, никто не убѣдитъ меня, что осячка есть выстрѣль.

— Спросите Джонса, онъ все знаетъ, сказалъ негръ.

Ричардъ вышелъ, и рѣшилъ споръ въ пользу негра и въ ущербъ Натти. Всѣ остались довольны, исключая Кожаного-Чулка.

— Мнѣ кажется, что не мѣшаетъ спросить мнѣніе дѣвицы Елисаветы, сказалъ онъ. Если она скажетъ, что я проигралъ, то я успокоюсь.

— Мое мнѣніе, добрый Натти, что вы на этотъ разъ въ убытокѣ, сказала дѣвушка. Но если хотите попытаться, то я заплачу шиллингъ, если только Бротъ не уступитъ мнѣ индейку за долларъ.

Негръ отрицательно покачалъ головой, и Билли Кирби приготовился стрѣлять, тогда какъ Натти неохотно ухилилъ изъ кружка.

— Съ тѣхъ поръ, какъ купцы и лавочники поселились здѣсь, нельзя достать и порядочнаго кремня, недовольно ворчалъ лѣсникъ. Но все равно, я вложу другой кремень; мнѣ кажется, что у Билли невѣренъ глазъ.

Порубщикъ, кажется, понялъ теперь, что слава его готова рушиться, и потому не пренебрегала никакими средствами для счастливаго исхода. Онъ нѣсколько разъ цѣдилъ. Кругомъ царствовало молчаніе; даже Бротъ не произнесъ ни слова, пока Билли не выстрѣлилъ. Онъ опять промахнулся, и радостный крикъ негра, похожий на военный крикъ индѣйцевъ, раздался по лѣсу. Онъ громко смѣялся, кидался на землю, и опять вскакивалъ и показывалъ, на сколько могъ, шумную радость, достойную индѣйца.

Билли Кирби, употребившій при этомъ всю свою ловкость, не чувствовалъ впрочемъ особаго негодованія при своемъ промахѣ. Онъ заботливо осмотрѣлъ птицу, и удостовѣрялся, трогая ея перья; но когда всѣ воззвали противъ него, то онъ послушался возгласа чернаго: предоставьте свободную игру негру. Неохотно повернулся онъ къ Броту и грубо сказалъ:

— Держись, старая лягушка! Гдѣ же найдется человѣкъ, который во 100 локтяхъ попадетъ въ голову индѣйки. Я былъ глупъ, что пытался это сдѣлать; но тебѣ нечего шумѣть, какъ валяющаяся сосна. Зажмика ротъ, да назови мнѣ охотника, который бы поступилъ лучше меня.

— Ну, Билли Кирби, сказалъ Кожаный Чулокъ, я постараюсь показать вамъ человѣка, который въ прежнее время стрѣлялъ лучше. Если вамъ угодно, то дайте дорогу.

Кирби неохотно отошелъ, а Натти всталъ на мѣсто. Хотя онъ дѣлалъ гораздо болѣе важные выстрѣлы по дичи и непріятелямъ, тѣмъ не менѣе никогда не старался такъ, какъ теперь. Нѣсколько разъ подымалъ онъ ружье, потомъ вычислялъ разстояніе, и наконецъ, когда птица, встревоженная спокойствіемъ, повернула голову, чтобы видѣть непріятеля, — выстрѣлилъ.

Впечатлѣніе, произведенное выстрѣломъ, мѣшало видѣть послѣдствія. Но Елисавета, замѣтивъ, что Кожаный-Чулокъ опустилъ ружье и улынулся, догадалась, въ чемъ дѣло. Онъ, однако, началъ снова заряжать ружье, между тѣмъ какъ мальчики, подбѣжавъ къ дереву, подняли вверхъ мертвую индѣйку, голова которой держалась только на волосѣхъ.

— Принесите птицу, и положите ее къ ногамъ дамы, сказалъ онъ: я стрѣлялъ для нея, и птица принадлежитъ ей.

— Я испытала свое счастье для того, чтобы насладиться ловкостью Кожаного-Чулка, сказала она, обернувшись къ молодому охотнику. Прошу васъ принять эту птицу въ награду за поврежденіе, которое мѣшало вамъ самимъ выиграть призъ.

Молодой человѣкъ низко поклонился, взявъ птицу, лежавшую у ногъ Елисаветы; но выраженіе лица его, когда онъ принялъ подарокъ, было такъ оригинально, что можно было думать, онъ охотнѣе бы сдѣлалъ противное. Елисавета дала деньги негру, какъ награду за убытокъ, и сказала дядѣ, что желаетъ возвратиться домой.

Въ этотъ моментъ на площадь явился судья Темплъ, поклонился своей дочери и брату, подошелъ къ Эдварду, который стоялъ вдали отъ шума, облокотясь на свое ружье и разсматривая птицу, лежащую у его ногъ. Возлѣ него были Кожаный-Чулокъ и Чингахгокъ.

— Господинъ Эдвардъ, сказалъ судья, я нанесъ вамъ большой вредъ, и обязанъ чѣмъ-нибудь исправить несчастную неосторожность. Мнѣ нуженъ теперь человѣкъ, умѣющій писать, и я желаю бы, чтобы вамъ понравилось въ моемъ домѣ. Окажите мнѣ помощь, хотя на несколько мѣсяцевъ, и труды ваши будутъ вознаграждены по заслугамъ.

Съ видимымъ неудовольствіемъ выслушалъ юноша это предложеніе; но, собравшись съ духомъ, отвѣчалъ:

— Я бы съ большимъ удовольствіемъ принялъ ваше предложеніе честно заработать себѣ хлѣбъ, если бы у меня не было теперь болѣе важныхъ обязанностей. Позвольте мнѣ заняться охотой.

— Вы хватаетесь за невѣрное ремесло, молодой человѣкъ, отвѣтилъ судья, и я прошу васъ быть въ моемъ домѣ хотя до тѣхъ поръ, пока совершенно излечится ваша рука.

Судья говорил много любезностей, которые Эдвардс слушал съ тяжелой, душевной борьбой. Онъ, кажется, уже рѣшался принять предложеніе судьи, но на лицѣ его снова показалось выраженіе необъяснимаго отвращенія.

Индеецъ съ большимъ участіемъ, усиливавшимся съ каждой минутой, слушалъ слова судьи. Наконецъ, подойдя къ разговаривавшимъ, сказалъ имъ съ достоинствомъ:

— Слушай своего отца, юноша, — слова его стары; молодой орелъ и великій начальникъ могутъ безопасно жить и спать вмѣстѣ. Мингосы и Делавары враги, а вы ихъ потомки. Учись ждать, сынъ мой; ты Делаваръ, а индеецъ терпѣливъ.

Слова эти, кажется, имѣли большое вліяніе на нерѣшительнаго юношу. Послѣ долгаго сопротивленія, онъ наконецъ рѣшился принять предложеніе судьи, съ условіемъ—прервать его, когда ему вздумается.

Этимъ кончились переговоры, къ неудовольствію судьи, который рѣшительно не могъ объяснить себѣ отвращенія молодаго человѣка къ его личности в домѣ. Онъ задумчиво шелъ съ братомъ и дочерью домой, и разговоръ ихъ касался неизвѣстнаго молодаго человека.

Трое пріятелей отправились мимо деревни; достигнувъ озера, по замерзшей поверхности подошли они къ подошвѣ скалы, у которой стояла ихъ хижина. Юноша первый прервалъ молчаніе.

— Кто бы подумалъ мѣсяцъ тому назадъ, что я рѣшусь служить судѣѣ и быть, такъ сказать, домочадцемъ моего страшнѣйшаго врага. Рабство это не можетъ долго продолжаться, потому что я стряхну его съ себя, какъ пыль съ моихъ сапоговъ.

— Развѣ онъ Мингосъ, что ты зовешь его врагомъ? спросилъ Чингахокъ.

— Я не вѣрю этому дѣлу, Змѣя, сказалъ Кожанный-Чулукъ; я слышалъ, что у насъ будутъ новые законы, по которымъ будутъ новыя дороги въ горы. Мѣстность такъ измѣнилась, что насилу узнаешь острова и теченія; сказать по правдѣ, я не слишкомъ вѣрю этому краснорѣчію, потому что, сколько я ни слышалъ этихъ бѣлыхъ ораторовъ, они всегда какъ то имѣли виды на индійскія земли.

— Ну, я подвергнусь своей участи, и забуду кто я, сказалъ юноша; не напоминай мнѣ, что я потомокъ начальника Делаваровъ, который былъ владѣтелемъ этихъ горъ, прекрасныхъ долинъ и водъ, по которымъ ты плаваешь. — Да, я буду его вассаломъ и слугой; развѣ это не недостойное рабство, старикъ?

— Старикъ! торжественно повторилъ индеецъ. Да Чингахокъ старъ, рука его — рука бабы, томагавкъ его — деревянный топоръ; чертополохъ и вѣтви — враги его. Пора отправиться къ предкамъ, Большой Змѣѣ Делаваровъ, дни его расчитаны, и онъ хочетъ умереть.

— Довольно, пріятель, сказалъ юноша, — не говори больше, слова твои такъ тяжело ложатся на сердце.

Чингахокъ замолчалъ, и пріятели вошли въ избу, снявъ предварительно запоръ, защищавшій ихъ имущество.

На другой день Эдвардс занялся дѣломъ у судьи, и почти три мѣсяца прошли безъ особенныхъ приключеній. Днемъ онъ прилежно работалъ, а ночи часто проводилъ въ хижинѣ Кожанаго-Чулка. Сношенія трехъ охотниковъ были тайнственны и радушно поддерживались, хотя Чингахокъ рѣдко, а Натти даже никогда не ходилъ въ господскій домъ. Эдвардс пользовался всякой минутой, чтобы навѣстить свое жилище, откуда возвращался очень поздно, иногда даже съ восходомъ солнца. Тѣ, кто зналъ эти посѣщенія, дѣлали разныя предположенія, не давая этого замѣтить, только Ричардъ высказывалъ иногда вполголоса свои замѣчанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Съ наступленіемъ весны огромныя снѣжныя массы, покрывавшія деревню, стали постепенно таять, и, вмѣстѣ гладкой снѣговой коры, улицы покрылись почти непроходимой грязью. Младшіе члены семейства изъ господскаго дома, къ которымъ можно было причислить и Луизу Грандтъ, дочь пастора, не остались равнодушными къ этой перемѣнѣ. Они могли наслаждаться всѣми удовольствіями зимы, пока снѣгъ покрывалъ улицы, и не только предпринимали поѣздки на горы и долины, но находили различныя поводы къ удовольствію и на замерзшей поверхности озера. При этихъ поѣздкахъ въ окрестности, какъ дамы, такъ и кавалеры, употребляли верховыхъ лошадей, и первая часто сопровождалась однимъ или и нѣсколькими кавалерами семейства. Молодой Эдвардс ежедневно все болѣе входилъ въ свое положеніе, и нерѣдко принималъ участіе въ прогулкахъ съ беззаботностію и чистосердечіемъ, изгонявшимъ на минуту изъ его души всѣ страшныя воспоминанія. Привычка и юношеское легковѣріе, казалось, одерживали верхъ надъ тайнымъ источникомъ его безпокойства, хотя минутами снова являлось это отвращеніе къ судѣѣ Темпло, которое въ первые дни знакомства выказалось въ ихъ разговорѣ.

Въ концѣ марта, Ричардъ Джонсъ уговорилъ Елисавету и подругу ея, Луизу Грандтъ, сопровождать ихъ на холмъ, который, по сказаніямъ, оригинально нависъ надъ озеромъ.

— Дорогой мы пройдемъ мимо сахарныхъ тростниковъ Билли Кирби, и можемъ полюбоваться на нихъ, прибавилъ онъ. Въ цѣломъ околоткѣ никто не умѣетъ варить сахаръ, какъ тотъ Кирби.